

DOI: 10.31857/S032103910019003-6

R. GAGNÉ. Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. i–xv + 553 p., ill. ISBN: 978-1-108-83323-3

Книга Рено Ганье, профессора Кембриджского университета, продолжает серию его трудов в области античной литературы и религии¹. Этот труд, как видно из заглавия, посвящен образу гипербореев и идее Гипербореи в античной литературе, а также филологическому осмыслению космографических аспектов этого мифологического дискурса. Существует много частных исследований, посвященных этому загадочному народу, но никогда эта тема не рассматривалась на монографическом уровне, предполагающем многоаспектность исследования. И в самом деле, концепт Гипербореи прослеживается здесь в самых разных жанрах и на протяжении всей истории греческого восприятия этого концепта — от архаического до императорского.

Уже Введение к книге называется “Cosmography”, и первая фраза звучит почти провокационно: “Pindar is a cosmographer” (с. 1). Далее автор показывает, как прославление победителей в спортивных состязаниях в эпиникиях Пиндара образует «песенные тропы» (“paths of song”), отражающие пространственную структуру мира, включая богов и людей, и соединяющие мир автора и мир аудитории с возможными мирами нарратива. К одному из таких миров и принадлежит крайний предел ойкумены — Гиперборея, отвечающая стремлению Пиндара вписать близкий мир в пространство всего мира. Под космографией Ганье понимает, как он пишет во Введении, «риторику космологии», т.е. искусство придумывания миров, включая «космографию культа» и «космографию литературы». Уже здесь видна та многоаспектность исследования, которая характерна для книги Ганье.

В первом разделе Введения, который называется “A Hyperborean Tree” (с. 4–24), автор анализирует 3-ю Олимпийскую оду Пиндара в качестве конкретного примера «филологии космографии». В этой оде поэт рассказывает миф о путешествии Геракла в страну гипербореев, служителей Аполлона, и о доставке оттуда в Олимпию оливкового дерева, которое должно было давать тень спортсменам и увенчивать победителей своей листвою (Pind. *Ol.* 3. 9–35). Кстати, этот эпизод «истории» Олимпии и ее игр не упоминает ни один другой античный автор.

Подробный анализ композиции и смыслов сложного метафорического текста оды (написана в 476 г.) показывает, как именно встраивает поэт хвалу Ферону в общий космологический контекст. И здесь мы сталкиваемся не только с «космографией литературы», но и, возможно, с «космографией политики», поскольку Ганье усматривает в оливковом дереве, принесенном Гераклом из Гипербореи в Олимпию, некий противовес политике и идеологии ионийско-афинско-делосского объединения (478 г. — образование Делосской Лиги), в центре которого, на Делосе, «гиперборейские дары», и в частности оливковое дерево, воспринимались как символическое начало всех начал (в том числе, по предположению Ганье, и знаменитого фороса объединенных в Лиге городов). Киренейская лань, которую Геракл будто бы достиг в Гиперборее, будучи также «находкой» Пиндара, в такой же степени служит космографическому осмыслению победы колесниц Фера на Акрагантском на Олимпийских играх, как и гиперборейская олива Геракла.

¹ См. его книги: *Ancestral Fault in Ancient Greece* (Cambridge, 2013); *Choral Meditations in Greek Tragedy* (Cambridge, 2013; в соавторстве с М. Hopman); *Sacrifices humains* (Liège, 2013; в соавторстве с Р. Bonnechere); *Regimes of Comparatism: Frameworks of Comparison in History, Religion and Anthropology* (Leiden, 2018; в соавторстве с S. Goldhill и G.E.R. Lloyd); *Les dieux d'Homère II. Anthropomorphismes* (Paris, 2019; в соавторстве с М. Herrero de Jáuregui).

Я, правда, не вижу в тексте Пиндара описания двух визитов Геракла к гиперборейцам, как видит их Ганье (с. 6–7): он считает, что в 13 строке и в 19 речь идет о разных путешествиях Геракла в Гиперборею. На мой взгляд, это рассказ об одном визите, просто в первый раз говорится, что Геракл принес оливковое дерево из Гипербореи, уговорив ее жителей дать ему это дерево, а затем поэт рассказывает, в связи с чем он это сделал (земля вокруг Олимпии была голой, безлесой), и еще раз описывает его путешествие, связав его с погоней за Лернейской ланью, во время которой он достиг земли гипербореев и, увидев там оливу, захотел украсить ею олимпийскую землю.

Второй раздел Введения называется “Philological Worlds” (с. 24–79) и посвящен технике литературно-антропологического создания миров (Ганье употребляет здесь термин *worlding*, переняв его у Филиппа Десколы²), которые каждый раз состоят из индивидуальной, особой рекомпозиции существующих в данной культуре элементов. Свою книгу Ганье характеризует так: «Эта книга — исследование поэтики создания миров (*worlding*)» (с. 27). Автор настаивает на отличии такого рода космографии от той, которую позже развили представители естественнонаучных дисциплин — географы, картографы, астрономы, — а также философы. В связи с этим Ганье прослеживает употребление и смысл понятия «космография» в античности и в средние века вплоть до Нового времени (с. 29–40), обращая внимание на включение в космографические (в основном картографические) памятники гиперборейских элементов. Сам Ганье, как уже говорилось выше, видит цель своей работы в исследовании того, как космология отражалась в космографии — репрезентации миров, представленной часто во фрагментарном виде, в противоречии одних репрезентаций другим, в различной эстетической и риторической оболочке, образуя большое сплетение текстов, существующих в диалоге друг с другом (с. 42).

Далее Ганье критически оценивает такие смежные и, очевидно, близкие его постановке вопроса направления в науке, как «картина мира (*worldview*, *Weltanschauung*)», представление о космосе (*cosmovision*), география (в виде *Erdkunde*), «пространственный поворот (*spatial turn*)», «непрофессиональная география (*Common Space Geography*)», мифическая география, поиски «реалий», скрывающихся за мифом, история религии (особенно «сакральное пространство»), геокритицизм, и пытается найти свой путь в индивидуализирующем взгляде на Гиперборею как плюралистический объект, фрагментированный многочисленными противоположными перспективами ее восприятия и презентации, несводимый к «изначальной», «исконной» и единственной версии путем соединения и исправления (*mending*) разнообразных фрагментов³. При этом Ганье настаивает на том, что миры, создаваемые индивидуально, тем не менее существуют в диалоге с другими мирами, который он называет «памятью о мирах» (*a memory of worlds*), или «архивом», существовавшим в сознании античных авторов (в случае с Гипербореей) на протяжении тысячи лет. Задачу своей книги автор определяет следующим образом: «Она состоит в том, чтобы проследить эволюцию особой космографической связи в меняющемся архиве памяти о мирах» (с. 69).

После этого методологического обширного Введения следуют пять глав, в которых последовательно рассматриваются античные тексты, упоминающие или подробно описывающие Гиперборею и гипербореев, анализируются связи этих текстов со святынями Аполлона и их сакральный смысл, их отражение в поэтической, исторической, философской, географической литературе на протяжении всей античной истории (в конце книги есть также очерк бытования концепта Гипербореи в последующие эпохи вплоть до Роджера Бэкона в XIII в.).

Изучение гиперборейской идеи проводится автором в согласии с продекларированным во Введении принципом «медленного чтения»⁴, поэтому в настоящей рецензии нет возможности коснуться каждого из аспектов всестороннего анализа. Позволю себе подробнее остановиться лишь на нескольких моментах, которые к тому же имеют немалое значение для истории Восточной Европы.

² Descola 2010, 334–340; 2014.

³ На с. 50 Ганье упоминает расистские, особенно культивировавшиеся нацистами, но живущие до сих пор представления о древней Гиперборее как прародине белой, нордическо-арийской расы и отказывается обсуждать эту тему, которая потребовала бы написания отдельной книги. Здесь автор цитирует критическую работу российского исследователя В.А. Шнирельмана об использовании этого мифа российскими националистами (Shnirelman 2014, 121–138).

⁴ См. с. 62: “Philology, the art of reading slowly, is a powerful tool for analysing and translating the rhetoric of cosmology produced by distant cultures” (см. также с. 70).

В I главе (“Hyperborea between Cult and Song”, с. 83–138) автор исследует роль гиперборейского экскурса в гимнах и легендах святилищ, в особенности в главных святилищах Аполлона в Дидимах, в Дельфах и на Делосе. Главным нервом исследования является то, как в результате сложения ритуала и храмовой легенды гиперборей становились олицетворением северной удаленности и в то же время божественного присутствия в святилищах, которые претендовали на центральную позицию в мире и космосе. Боги могли приходить в «свое» святилище и покидать его, и гимны, сложенные в этих святилищах и воспевающие их основание и богов, в честь которых они были основаны, неизбежно должны были иметь в виду эту связь между центром и периферией, откуда приходит бог, и создавать «космографические тексты» (с. 87). Анализу священных гимнических и прочих текстов о трех святилищах Аполлона и посвящена эта глава.

Если связь с гиперборейями Аполлона (его святилищ) в Дельфах и на Делосе зафиксирована и хорошо документирована (Ганье подробно анализирует все релевантные тексты), то связь святилища Аполлона в Дидимах с гиперборейями исследуется автором на материале знаменитой греческой надписи на каменной таблице второй половины VI до н.э., происходящей с острова Березань. Ганье ссылается на многочисленные работы, посвященные этой надписи, включая труды первоиздателя надписи А.С. Русяевой и Ю.Г. Виноградова, и публикует ее греческий текст с различными вариантами чтения и английским переводом. Напомню, что текст обращен к «Аполлону из милетской Дидимы», он дважды назван «победителем Борея (=севера)» (Νικηφόρος Βορέω)⁵, а также «Несущим лук», «Врачевателем», «Дельфином». Упоминается и его мать Лето, и «город Ольвия», которой желают «мира» (εἰρήνῃ Ὀλβίῃ[ι] πόλι). По мнению некоторых исследователей, текст таблички может представлять собой оракул Аполлона в Дидимах⁶. Ганье со ссылкой на труды специалистов по практике оракулов считает, что веских аргументов для этого нет (с. 103).

Обращение к дидимскому Аполлону в надписи из Ольвии неслучайно, ведь Ольвия была основана Милетом и поддерживала с ним тесную связь, а эпиклеса «Врачеватель» и «Дельфиний» отразились и в ольвийской нумизматике и эпиграфике. Ганье приводит еще несколько надписей из Ольвии, которые называют милетского (дидимского) Аполлона с разными его эпиклесами⁷.

Упоминание в надписи матери Аполлона Лето, которая, согласно известному мифу, преследуемая Герой, оказалась на крайнем севере, а потом с помощью Борея попала на Делос, где родила Аполлона и Артемиду, тесно связывает в единое целое север, Лето, Аполлона, Ольвию, Борея и гипербореев, которых Аполлон часто навещает из благодарности за их участие в судьбе матери. Ольвия, по мнению Ганье, понималась как последний концептуальный форпост на границе между греческим миром и «бореальным» пространством, как символический маркер конца мира, связанного с центрально расположенными Дидимами. Тем самым, по мнению Ганье, основание города вписывается в рамки событий божественного и космологического характера, а сама Ольвия создает вместе с Милетом единый космографический комплекс. Таково толкование Ганье этого уникального ольвийского документа. Представляется, что такой взгляд на интерпретацию надписи, с одной стороны, вполне вписывается в контекст методологических построений автора, с другой — вносит новые нюансы в понимание ее смысла.

Во II главе, озаглавленной “Cosmography and Epiphany” (с. 139–200), автор рассматривает описания передвижений Аполлона, его *эпифаний*, когда он отправляется к гиперборейям или возвращается от них в Грецию. Особое внимание обращено на описанную Аполлонием Родосским (*Arg.* II. 674–684) эпифанию Аполлона на острове Финиада у побережья Вифинии, где аргонавты остановились на пути в Колхиду (с. 144–149). Аполлон как «странствующий бог» (*travelling god*) остановился на короткое мгновение на острове, летя из Ликий в страну гипербореев, и аргонавты стали свидетелями его явления, воздвигли ему алтарь, а аргонавт Орфей

⁵ Существует несколько версий того, как понимать это выражение: «несущий победу с севера (с точки зрения южного Милета)», «победитель севера (Аполлон как архетип в северной Ольвии)», «победитель на севере» и др. (см. их критический обзор на с. 98–99).

⁶ Ганье указывает следующих сторонников этого мнения: Rusyaeva 1986, 39–42; Burkert 1994; Herda 2006, 272–273; Bravo 2007, 82–87. Должен отметить, что А.С. Русяева на указанных страницах ничего не пишет о тексте таблицы как об оракульном тексте, а на с. 32 довольно осторожно говорит, что «из-за отсутствия сравнительной характеристики со сходными документами можно лишь предполагать, что оно имеет отношение к этому (дидимскому. — А. П.) оракулу» (ср. также с. 58).

⁷ IGDOP 59, 65, 83, 93, 95, 99.

сочинил в его честь пеан, в котором напомнил и о подвигах Аполлона, убившего в Дельфах Пифона, и о Корикийских (= Дельфийских) нимфах, поющих строку из гимна в честь Феба. Это богоявление Ганье рассматривает как собранное из ментального «архива» хорошо известных (в том числе гиперборейских) мотивов соединения космографических, географических и ритуально-религиозных аспектов пути Аполлона к гипербореям: Ликия и Дельфы, находящиеся на юге, связываются через южное побережье Черного моря с самыми северными жителями ойкумены — гиперборейцами — через эпифанию Аполлона, которая оказывается маркером пространства, описывая контуры мира.

Далее Ганье рассматривает графические образы эпифании Аполлона в вазописи и элементах храмов (в основном — в рельефах на метопах) в поисках фиксации «отправления» бога из Гиперборей, но ввиду неопределенности изобразительных элементов большинство таких изображений трудно отнести именно к гипербореям. Наиболее ярким примером эпифании Аполлона, его «прибытия» в Дельфы, является реконструированная скульптурная группа на восточном фронте храма Алкмеонидов в Дельфах, на котором Аполлон прибывает в город на колеснице. Ганье подробно изучает это изображение (с. 173–179), но и здесь вынужден констатировать, что гиперборейское окружение фигуры едва ли просматривается в сюжете фронтона.

Глава III называется «The Wondrous Road: Archaic Travel Narrative» (с. 203–265) и посвящена древним повествованиям, в которых рассказывалось о локализации гипербореев и о путях в Гиперборею и оттуда. Естественно, одним из самых ярких и древних рассказов об этом является знаменитый текст Геродота о дарах, которые гиперборейцы ежегодно посылали через множество посредников на Делос (Herod. IV. 33). Ганье подробно анализирует данные Геродота и других авторов (Каллимаха, Павсания, Стефана Византийского, Пиндара, Вакхилида, Псевдо-Гесиода) о пути следования гиперборейских даров и самих гипербореев в Грецию. Автор обращает внимание на два пути даров гипербореев в Элладу — первый через Додону на западе Греции до Делоса и второй через Синопу в Афины, а затем на Делос. Второй путь, описанный Павсанием, представляется странным и неожиданным. Павсаний (I. 31. 2) пишет, что, «как говорят, гиперборейцы передают свои дары аримаспам, аримаспы исседонам, от них скифы доставляют их в Синопу, оттуда они привозятся греками в Прасии⁸ и афиняне отвозят их на Делос». Дельфы и Додона остались в этой версии в стороне от обычного пути гиперборейских даров. Ганье правильно, на мой взгляд, оценивает эту переориентацию пути (теперь через Афины/посредством Афин на Делос) или, по выражению Ганье, «реконфигурацию 'архива' в соответствии с обстоятельствами» как продиктованную политическими и экономическими интересами Афин, которые имели с Синопой тесные связи, в том числе в хлебной торговле. Ганье ссылается на время Перикла как на момент, когда эти связи были наиболее интенсивными (с. 210).

В этой связи напрашивается вопрос, не была ли знаменитая экспедиция Перикла в Черное море (ок. 437–436 гг. до н.э.), в ходе которой афиняне сыграли большую роль в политических событиях городов Южного (а также, весьма вероятно, Северного и Западного) Причерноморья, и в особенности Синопы, устроив даже в некоторых из них колонии из афинских клеруков, причиной и катализатором возникновения «синопской» версии мифа⁹. Следует также учесть, что Синопа контролировала кратчайший морской путь в Северное Причерноморье (от малоазийского Карамбиса к крымскому Бараньему Лбу), так что доставка северночерноморскими скифами в Синопу гиперборейских даров создает, по словам Ганье, новую «космографию», связанную с гиперборейцами. Напомню, что и Аполлоний Родосский описывает маршрут Аполлона к гиперборейцам через южнопонтийскую Вифинию и Черное море (см. об этом выше), и Софокл заставляет Борея лететь к гиперборейцам через Понт Эвксинский на север Восточной Европы (см. об этом ниже), т.е. эта траектория направления к гиперборейцам также в какой-то момент становится актуальной.

В последнем разделе этой главы, который он считает главным в ней, Ганье рассматривает эпическую поэму Аристея Проконнесского «Аримаспея», где рассказывалось о путешествии в отдаленные части северо-восточной ойкумены и в том числе упоминались гиперборейцы. Этот

⁸ Прасии — гавань и дем на восточном побережье Аттики, откуда отправлялись священные посольства (феории) на Делос и где находился храм Аполлона (Paus. I. 31. 1).

⁹ Отечественная историография этой экспедиции довольно обширна, см., например, работы С.А. Жебелёва, Т.В. Блаватской, В.Д. Блаватского, М.И. Максимовой, И.Б. Брашинского, П.И. Карышковского, В.Ф. Гайдукевича, Ю.Г. Виноградова, С.Ю. Сапрыкина, И.Е. Сурикова и др.

раздел должен, по мнению Ганье, проиллюстрировать «важность изучения космографии через ‘архив’ жанров и хронологических периодов» (с. 73). Сначала Ганье подробно обсуждает проблему датировки жизни Аристея (с. 244–246), которая занимает умы историков уже много десятилетий¹⁰, и приходит к выводу, что поэма была написана еще до первой половины V в. до н.э., при том что некоторые исследователи датируют ее второй половиной VII в., а некоторые — второй половиной VI в. Здесь Ганье подробно обсуждает точку зрения А.И. Иванчика¹¹, датирующего, по его мнению, поэму первой половиной V в.¹², характеризуя его работу как «самую тщательную по этому вопросу» (с. 245–246). Сам Ганье склонен датировать «Аримаспею» началом или серединой VI в., хотя и оставляет открытым вопрос о более раннем или позднем времени (с. 246)¹³. Ганье видит в описании Аристеем народов (греков, киммерийцев, скифов, исседонов, аримаспов, грифонов и гипербореев) презентацию пространства от милетского Понта до Северного океана гипербореев с глубоко оригинальным видением наиболее парадигматических окраин (*eschatiai*) ойкумены и ее значения для центра. Если Одиссей Гомера достиг киммерийцев на «краю земли», где находился спуск в подземное царство мертвых, то для Аристея киммерийцы были началом его путешествия на край земли. В этом Ганье видит еще одно (наряду со многими другими, им обнаруживаемыми) соприкосновение (переключку, контакт) двух эпосов. Особое внимание Ганье уделяет мотиву Аполлонова сопровождения поездки (полета?) Аристея в отдаленные страны и преодоление смертного барьера в жизни «одержимого Фебом» поэта (имеются в виду легенды о его странной смерти и возвращении к жизни, в том числе в образе ворона — птицы Аполлона). Резюмируя, Ганье подчеркивает: «Аримаспея — один из самых интригующих экспериментов раннего архаического периода с гекзаметрическими повествованиями о дальних путешествиях и описаниями стран и народов... и это сделало Аримаспею важной отправной точкой для всех дальнейших рекомпозиций возможных миров окраин (recompositions of the possible worlds of the *eschatia*)» (с. 264–265).

В IV главе, озаглавленной “Hyperborea and the Classical Economies of Knowledge” (с. 266–319), Ганье рассматривает знакомство с гиперборейской темой в классической аттической драме — у Эсхила, Софокла, Ксенофана и других авторов, а также у прозаиков — Гекатея Милетского, Дамаста Сигейского, Гелланика Лесбосского, Псевдо-Гиппократ. Ганье видит в упоминаниях Гипербореи обновление темы в перспективе общей культурной эволюции и расширения реальных знаний об ойкумене в это время и в этой среде (Ганье называет этот перелом “revolution of wisdom”), стремясь в то же время уйти от традиционного представления об эволюции «от мифа к логосу». Интересно замечание Ганье о том, что множество нового, что возникает в классическую «рационалистическую» эпоху («греческое чудо»), не касается не-греков в отдаленных уголках ойкумены, и это имеет прямое отношение к гиперборейской теме, которая теперь эволюционирует в тесном диалоге с предшествующей поэтической традицией, в частности — аристеевской. В одном из разделов главы рассматривается Геродотово отношение (deconstruction) к проблеме гипербореев в связи с дискуссией, предпринятой Ганье в предыдущей главе относительно Аристея. Речь идет о появлении Аристея после смены семи поколений в италийском Метапonte и установке там его статуи, а также о пифагорейских ассоциациях с Аристеем и гиперборейцами¹⁴. Много внимания уделено также фигуре гиперборея Абариса, тесно связанного с пифагореизмом (Ганье называет Абариса “an inversed mirror of Aristeeas” — с. 289). В италийской истории Аристея и новых связях Гипербореи с Италией Ганье видит отражение переноса милетских «миров» на запад в Италию и конструирование новых

¹⁰ Этой проблеме посвящено несколько статей, опубликованных в журнале «Аристей. Вестник классической филологии и античной истории», см. Sheglov 2010 (цитируется в книге Ганье); Musbachova 2012; Dan 2012 (цитируется в книге Ганье); Bianchetti 2021.

¹¹ Ivantchik 1993, 35–67.

¹² А.И. Иванчик на самом деле дает более широкую датировку, см. Ivantchik 1993, 67: “L’*Arimaspée* a été écrite durant la deuxième moitié, ou plus probablement, durant le dernier quart du VIe ou le premier quart du Ve siècle avant J.-C.”.

¹³ См. с. 246, прим. 282: “Ivantchik’s attempt to show that the vocabulary of the fragments corresponds to the 6th century better than the 7th century provides a serious cluster of evidence and it should not be dismissed lightly... There is, however, no definitive demonstration to be made through this method”.

¹⁴ Здесь Ганье активно ссылается на работы Л.Я. Жмудя, особенно на его статью Zhmud’ 2016, 446–462.

миров с использованием материала из «архива» предыдущих. Ганье подробно останавливается на соотношении поэтической эпической «Аримаспеи» с научным прозаическим скифским рассказом Геродота, показывая, как одни «миры» перетекают и «внедряются» (incorporate) в другие при изменении оптики и цели повествования и как возникает специфически Геродотова «полифония», по выражению Ганье, в передаче «голосов» гиперборейской традиции.

Создается впечатление, что Ганье собрал и рассмотрел абсолютно все античные свидетельства о гипербореях, даже те, в которых они прямо не называются. В частности, он целую страницу (с. 268–269) посвятил небольшому тексту из Страбона (VII. 3. 1), в котором тот цитирует фрагмент из неизвестной трагедии Софокла о похищении афинской принцессы Орифии фракийским царем-ветром Бореем. Борей уносит свою будущую жену «через весь Понт к крайним пределам земли, к истокам ночи, к открытому небу, (и) к древнему саду Феба». Мне пришлось недавно написать небольшую работу с анализом этого текста¹⁵, и я рад, что утверждаемая там идея о том, что «древний сад Феба» означает землю гипербореев, вотчину Аполлона, находит поддержку Ганье, который считает, что «Софокл не просто воспроизводит традицию с образом Гипербореи. Он создает мир, который возобновляет традицию» (с. 269). Опять, как и в случае с павсаниевым описанием маршрута даров гипербореев (см. выше), Афины оказываются напрямую связаны с отдаленнейшей частью ойкумены — с Гипербореей.

Глава IV “Impossible Worlds? Hellenistic Reconfigurations” (с. 320–386) посвящена метаморфозам гиперборейской идеи (literary process of worlding) в эллинистическое и более позднее время — от Эратосфена, Пифея и Страбона вплоть до Помпония Мелы и Плиния Старшего. Анализируются также труды Каллимаха, Феопомпа, Симмия Родосского, Гекатея Абдерского, Птолемея, Солина и некоторых других писателей. «Медленное чтение» этих авторов позволяет увидеть, как, используя «архив» и установившиеся каноны, они находят новые возможности актуализировать старые схемы и мотивы в соответствии с насущными потребностями в политической сфере, в рамках различных жанров и при «научности» новых трактовок.

Остановимся несколько подробнее на анализе, проведенном Ганье на материале античной утопической литературы. Она, уже по определению описывая несуществующие, поэтому находящиеся вне известной ойкумены “impossible worlds”, неоднократно обращалась к теме гипербореев. В частности, Феопомп Хиосский (IV в. до н.э.), придумавший страну Меропиду, представляет Гиперборею в рамках пародийного отклика на Платонову Атлантиду (меропы отказались завоевывать нашу ойкумену, столкнувшись с гипербореями, жизнь которых, описываемая обычно как блаженная и счастливая, не показалась им таковой¹⁶). Ганье метко, на мой взгляд, указывает на реверсивность нового «мира-космографии» у Феопомпа, когда гиперборей, бывшие традиционно на дальней окраине ойкумены, оказываются первым народом на нашем континенте, с которым сталкиваются пришельцы, и наш космос оказывается уже “beyond the Hyperboreans”.

Далее Ганье обращается к фрагментам произведения Гекатея Абдерского «О гипербореях» (IV–III вв. до н.э.)¹⁷. Здесь Гекатей конструирует, основываясь на «архиве», свою собственную модель Гипербореи, которая сильно отличается от всех предыдущих. В частности, она находится не на материке за аримаспами, грифонами или исседонами, как у Аристея и его продолжателей, а на острове в океане, как Туле у Пифея или Атлантида у Платона. Рассказ Гекатея построен как этнографический очерк, описывающий жизнь гипербореев реалистичным языком «пост-аристотелевской (но до-эратосфеновской) космологии и истории» (с. 339). Гиперборея уже стала доступной, ведь туда приплыл сам автор, обнаруживший на острове следы посещения греками («пышные дары, надписанные эллинскими буквами» — ἀναθήματα πολυτέλῃ καταλιπεῖν ὑράσματος Ἑλληνικοῖς ἐπιγεγραμμένα — Diod. II. 47. 4). Гекатей описывает храм Аполлона, разделение гипербореев на три рода, рассказывает о бореадах, царствовавших в Гиперборее и считавшихся главными жрецами культа Аполлона.

Ганье считает невозможным определение (воображаемого) маршрута следования Гекатея к острову гипербореев¹⁸. Тем не менее представляется, что некоторые данные для восстанов-

¹⁵ Podossinov 2021, 699–712.

¹⁶ Aelian. *Var. Hist.* 3. 18 = 115 F 74–75 *FGrHist*.

¹⁷ Издание этих фрагментов на древнегреческом и латинском языках, русский перевод и комментарии см. Podossinov 2012, 146–185.

¹⁸ См. с. 339: “There is little point in trying to ascertain which route Hecataeus took to get there, or what real geographical reality should be identified behind the description”.

ления этого маршрута имеются. Автор или герой (герои) сочинения отправляется зачем-то (по-видимому, в познавательных целях) в страну гипербореев, причем плывет туда, скорее всего, через Боспор Киммерийский (фр. 8), а именно через город Киммериду, расположенный на этом проливе (совр. Керченский)¹⁹. Далее его путь лежит, вероятно, через Азовское море и низовье Танаиса-Дона, а затем через Кумо-Манычскую впадину, возможно, соединявшую в античности русло Дона и Каспийское море, ведь Гекатей считал, что Танаис соединяется с Араксом — рекой, впадавшей будто бы с северо-востока в Азовское море (фр. 13). Поскольку в античности Каспийское море, как правило, считалось соединяющимся с Северным океаном проливом, далее можно было плыть по Северному океану вдоль побережья на запад Европы. Каспийское море расположено довольно близко к центральноазиатским горам, откуда вытекает Аракс (Сырдарья), и этой близостью, возможно, следует объяснять появление у Гекатея в качестве восточной границы Северного океана реки Парапанис (фр. 14), название которой обычно связывали с Гиндукушем и прилегающими к нему областями. Северный океан, идущий на запад от реки Парапанис, «где она протекает по Скифии», Гекатей называет Амальхийским, или «Застывшим» (фр. 14). Проплыв по Северному океану до северо-западных пределов Европы, путешественник(и) попадал(и) на остров гипербореев, находящийся к северу от Кельтики и по размерам не уступающий Сицилии (фр. 7).

За деталями этого маршрута стоит огромный пласт географических источников, составляющих также обширный «архив», из которого мог черпать Гекатей. Неслучайно автор другого фантастико-утопического романа «Невероятные приключения по ту сторону Фулы» Антоний Диоген (живший, вероятно, в I в. н.э.)²⁰ «повествует о Динии, который покинул родину вместе со своим сыном Демохаром и, пройдя через Понт, дошел от Каспийского и Гирканского морей до гор, называемых Рипейскими, и до устья реки Танаис. Затем, из-за сильных холодов, повернули они к Северному океану и, наконец, направились на восток и пришли к месту восхода солнца. Потом, скитаясь в течение долгого времени и пережив множество разнообразных приключений, они прошли по берегу наружного моря, окружающего землю... Они прибыли на остров Фулу и там остановились на некоторое время» (перевод Н. Мильштейн).

И в том, и в другом романе предполагается океаническое плавание, оба героя проходят по Северному океану, только Диний плывет из Северо-Восточной Европы на восток вокруг Азии, Африки и приплывает снова в Северный океан, а Гекатей плывет от Каспийского моря на запад. Описания в обоих романах переполнены географическими подробностями далеких окраин ойкумены, и, если бы мы стали сейчас разбирать особенности этой информации, мы бы погрузились в мир географических теорий и споров маститых античных географов. Географические рамки этих романов отражают представления своего времени, и это было эллинистическое время в романе Гекатея и раннеримское — в романе Антония Диогена.

Обращает на себя внимание стремление автора книги увидеть в привлечении разными авторами и в разное время гиперборейского мотива каждый раз политическую составляющую, которая состоит в выделении «своего» политического или религиозного центра именно как центра мира, напрямую связанного с наиболее отдаленным в ойкумене, но важным культовым, Аполлоновым, местом — Гипербореей. Это и Дельфы, и Делос, и Афины, и Великая Греция, и Египет Птолемея, и Селевкидская Вавилония, откуда исходили разные варианты связи с гиперборейями. Не везде эту связь, на мой взгляд, следует объяснять именно такими обстоятельствами. Интерес к загадочному блаженному народу, находящемуся вне ойкумены, может иметь и другие причины — философские, географические, культовые, этнографические, развлекательно-экзотические, метафорические и прочие. Ганье отмечает эти причины тоже, но главный интерес все же видит, как представляется, в политическом эгоцентризме разных центров Древней Греции²¹.

В Заключении, которое называется “Further Trajectories” (с. 387–412), Ганье рассматривает жизнь гиперборейского дискурса на римской почве (в основном в римской поэзии), где

¹⁹ Ф. Якоби считает, что по пути герой Гекатея должен был посетить еще и Фанагорию, основанную теосцами (Jacoby 1912, 2753).

²⁰ Роман известен по извлечениям, сделанным в IX в. византийским патриархом Фотием (Bibl. 109a 13–14; см. Morgan 2009, 475–490).

²¹ См., например, на с. 376: “Licurgus’ *Delian Oration* creatively used Hyperborea to situate Athens on a ritual map of oecumenical importance”.

imperium Romanum строит свои собственные взаимоотношения с Гипербореей (по его терминологии — *gecompositions of worlds*), а также коротко анализирует смысл(ы) Гипербореи для средневековой космографии и теологии. Заканчивает этот анализ Ганье текстом из *Opus Majus* (1268 г.) Роджера Бэкона, повествующим о гипербореях, живущих «за Руссией на севере» (!)²², и замечает по этому поводу: «Бэкон интегрировал старые традиции гиперборейской географии и этнографии в актуальное современное видение тотального пространства» (с. 409–410).

Подводя итоги, Ганье вновь подчеркивает, что «каждое индивидуальное проявление мирообразования (*worlding*) может быть плодотворно изучено само по себе, без сведения его частных характеристик к симптомам чего-то еще» (с. 410–411) и что филологическое изучение космографии открывает иные смыслы, нежели космология, космогония, «картина мира» и ментальные структуры, география, миф, священное пространство и прочие сферы антропологического направления, причем интертекстуальность и функционирование «архива» тем и мотивов Гипербореи является неотъемлемой частью литературного процесса создания миров, связанного диалогом культур в их движении.

Впечатляет огромная библиография в конце книги: она занимает более 100 страниц мелким шрифтом (с. 419–520)²³. Следует отметить, что автор книги ссылается и на работы российских и украинских исследователей — М.М. Бахтина, В.А. Шнирельмана, Л.Я. Жмудя, А.С. Русаевой, Ю.Г. Виноградова, С.Б. Буйских, А.В. Буйских, Е.В. Илюшечкиной, А.И. Иванчика, С.Д. Крыжицкого, Н.И. Николаева, С.Б. Охотникова, А.С. Островерхова, Д.А. Щеглова, автора этих строк и Е.В. Ртвеладзе (Узбекистан) — в основном, естественно, написанные на западноевропейских языках.

В конце книги помещены также глоссарий греческих терминов, обсуждаемых в книге, и *Index locorum*.

Подводя итог, должен отметить, что скрупулезное исследование всех свидетельств античных авторов о гипербореях и Гиперборее, проведенное с филологической акрибией и широким диапазоном привлекаемых историко-культурологических и теоретических подходов, делают труд Рено Ганье новым словом в антиковедческих штудиях и образцовым примером для последующих исследований²⁴. Предположу, что тема «гипербореи в античности» на много лет вперед будет считаться исчерпанной.

Литература / References

- Dan, A. 2012: Quand Apollon portait en vol au-delà des Scythes. *Aristeas* 6, 68–90.
 Bonnechere, P., Gagné, R. 2013: *Sacrifices humains*. Liège.
 Bianchetti, S. 2021: The Journey of Aristeas of Proconnesus. *Aristey [Aristeas]* 23, 66–82.
 Бьянкетти, С. Путешествие Аристеея Проконнесского. *Арусмей* 23, 66–82.
 Bravo, B. 2007: Testi iniziatici da Olbia Pontica (VI e V sec. a.C.) e osservazioni su orfismo e religione civica. *Palamedes* 2, 55–92.
 Burkert, W. 1994: Olbia and Apollo of Didyma: A New Oracle Text. In: J. Solomon (ed.), *Apollo. Origins and Influence*. Tucson—London, 49–60.
 Descola, P. 2010: Cognition, Perception and Worlding. *Interdisciplinary Science Reviews* 35, 334–340.
 Descola, P. 2014: *La composition des mondes*. Entretiens avec Pierre Charbonnier. Paris.
 Gagné, R. 2013: *Ancestral Fault in Ancient Greece*. Cambridge.
 Gagné, R., Goldhill, S., Lloyd, G.E.R. 2018: *Regimes of Comparatism: Frameworks of Comparison in History, Religion and Anthropology*. Leiden.
 Gagné, R., Herrero de Jáuregui, M. 2019: *Les dieux d'Homère II. Anthropomorphismes*. Paris.
 Gagné, R., Hopman, M.G. 2013: *Choral Meditations in Greek Tragedy*. Cambridge.

²² *Opus Majus*, p. 359 Bridges: “Et ultra Russiam ad aquilonem est gens Hyperborea, quae sic nominatur a montibus magnis, qui vocantur Hyperborei”.

²³ Замеченные опечатки (они весьма редки): в библиографии на с. 516 дважды, но под разными годами, указана одна и та же работа: см. Watson, J. 2010: Rethinking the Sanctuary of Aphaia... и сразу за ней то же, но под 2011 годом. На стр. 268 в сноске 17 вместо Pheobus следует читать Phoebus.

²⁴ См. с. 412: “Further study of cosmography in the literatures of Greece and Rome can open up a considerable body of research and allow us to refine tools and methods”.

- Herda, A. 2006: *Der Apollon-Delphinios-Kult in Milet und die Neujahrprozession nach Didyma: ein neuer Kommentar der sog. Molpoi-Satzung*. Mainz am Rhein.
- Ivanchik, A.I. 1993: La datation du poème L'Arimaspee d'Aristéas de Proconnèse. *L'Antiquité Classique* 62, 35–67.
- Jacoby, F. 1912: Hekataios aus Abdera. In: *RE*. Hlbd. 14, 2750–2769.
- Morgan, J.R. 2009: Lucian's True Histories and the Wonders beyond Thule of Antonius Diogenes. *Classical Quarterly* 35/2, 475–490.
- Musbachova, V.T. 2012: On the Reliability of Herodotus' Calculation of Aristéas Proconnesius' Date. *Aristey [Aristeas]* 5, 21–52.
- Мусбахова, В.Т. К вопросу о достоверности свидетельства Геродота о времени жизни Аристей из Проконнеса и времени создания «Аримаспеи». *Аристей* 5, 21–52.
- Podossinov, A.V. 2012: [Hekataeus of Abdera. "About the Hyperboreans". Introduction, Publication of Ancient Greek and Latin Texts of Fragments, Russian Translation and Commentary]. In: A.V. Podossinov (ed.), *Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU [Proceedings of the Department of Ancient Languages of the Faculty of History of Moscow State University]*. Issue 3. Moscow, 146–185.
- Подосинов, А.В. Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, публикация древнегреческого и латинского текста фрагментов, русский перевод и комментарий. В сб.: А.В. Подосинов (ред.), *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ*. Выпуск 3. М., 146–185.
- Podossinov, A.V. 2021: [On Boreas, Pontos and the Ancient Garden of Phoibos: Some Remarks on the Sophoclean Geography of the European North]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/3, 699–712.
- Подосинов, А.В. О Борея, Понте и древнем саде Феба: замечания к географии европейского севера у Софокла. *ВДИ* 81/3, 699–712.
- Rusyaeva, A.S. 1986: [Miletus – Didyma – Borysthenes – Olbia. The Colonization of the Lower Bug Region]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 25–64.
- Русяева, А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья. *ВДИ* 2, 25–64.
- Sheglov, D.A. 2010: Aristéas of Proconnesus: Facts And Interpretations. *Aristey [Aristeas]* 1, 9–34.
- Шеглов, Д.А. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации. *Аристей* 1, 9–34.
- Shnirelman, V. 2014: Hyperborea: the Arctic Myth of Contemporary Russian Radical Nationalists. *Journal of Ethnology and Folkloristics* 8/2, 121–138.
- Zhmud' L. 2016: Pythagoras Northern Connections: Zalmoxis, Abaris, Aristéas. *Classical Quarterly* 66/2, 446–462.

Alexandr V. Podossinov,

Prof. dr. hab.
Lomonosov Moscow State University;
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
E-mail: podossinov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2295-9290

А.В. Подосинов,

проф. д. и. н.,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова;
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия
Петрозаводский государственный
университет
Петрозаводск, Россия